

ВОСТОЧНОЕ ЧАЕПИТИЕ

DOI: 10.18254/S268684310010364-8

ЗАДУШЕВНАЯ БЕСЕДА С ДОКТОРОМ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРОМ, ЗАВЕДУЮЩИМ КАФЕДРОЙ СТРАН ВОСТОЧНОЙ
АЗИИ АЛЕКСЕЕМ ЛЕОНИДОВИЧЕМ РЯБИНИНЫМ,
ПРИУРОЧЕННАЯ К ЕГО ЮБИЛЕЮ

SINCERE CONVERSATION WITH THE CHAIR OF THE DEPARTMENT
OF EAST ASIAN COUNTRIES PROFESSOR ALEXEI L. RYABININ,
DEDICATED TO HIS ANNIVERSARY

От редакции:

«Восточный курьер» продолжает успешную завоевать интерес читателя рубрику «Восточное чаепитие», в рамках которой берет интервью у востоковедов и организаторов науки и образования. На этот раз «ВК» пригласил на чай Алексея Леонидовича Рябинина — доктора исторических наук, профессора и специалиста в области истории и общих проблем стран Азии и Африки в целом и Вьетнама в частности. В 2020 году Алексей Леонидович отметил юбилей и по этому случаю поделился с «Восточным курьером» своими размышлениями, рассказал о планах на будущее и по просьбе редакции даже раскрыл некоторые секреты из своего прошлого ☺.

Ключевые слова: А. Л. Рябинин, Л. Б. Алаев, Л. С. Васильев, Д. В. Деопик, М. С. Мейер, востоковедение, российские востоковеды, устная история, история науки, интервью

Для цитирования: Петерикова Е. И. Задушевная беседа с доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой стран Восточной Азии Алексеем Леонидовичем Рябининым, приуроченная к его юбилею. *Восточный курьер / Oriental Courier*. № 1–2. 2020. С. 48–56. DOI: 10.18254/S268684310010364-8

EDITORIAL:

The *Oriental Courier* continues its popular *Asian Tea Party* column, in which we interview

prominent orientalists and organizers of science and education. This time, OC invited for tea Aleksei Leonidovich Ryabinin, Doctor of History, Professor and a specialist in the field of history and general problems of the countries of Asia and Africa as a whole (and Vietnam in particular). In 2020, Alexei Leonidovich celebrated his anniversary and on this occasion shared his thoughts with *Oriental Courier*, talking about his plans for the future, and at the request of the interviewer even revealed some juicy secrets from his past ☺.

Key words: Alexey L. Ryabinin, Leonid B. Alaev, Leonid S. Vasiliev, Dega V. Deopik, Mikhail S. Meyer, Oriental studies, Russian orientalists, Oral history, history of Oriental studies, interview
For citation: Elizaveta I. Peterikova. Sincere Conversation with the Chair of the Department of East Asian Countries Professor Alexei L. Ryabinin, Dedicated to His Anniversary. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. No. 1–2. 2020. Pp. 48–56. DOI: 10.18254/S268684310010364-8

«МНЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, ЧТО В БУДУЩЕМ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ТАКОМ ВИДЕ, В КАКОМ ОНО СУЩЕСТВУЕТ СЕЙЧАС, НЕ БУДЕТ ВООБЩЕ»

— Алексей Леонидович, в этом году вы отметили свой личный юбилей. Ваш научно-педагогический стаж насчитывает не один десяток лет. Как, по вашему мнению, за это время изменилась школа востоковедения?

А. Р. Действительно, за время, прошедшее как с начала моей научной деятельности (я поступил на работу в Институт востоковедения в 1973 г.), так и с момента прихода на преподавательскую работу в высшую школу (это было в конце 80-х годов XX в. в Институте стран Азии и Африки), в советском, а затем и российском востоковедении произошли очень существенные изменения. Однако, если учитывать, что в конце 80-х — начале 90-х годов в Советском Союзе, в России и на всем постсоветском пространстве имели место крупнейшие общественные трансформации, во всех новых странах изменился социально-экономический и общественно-политический строй, то полагаю, что эти изменения могли бы стать и более существенными. К сожалению, демократический настрой российских востоковедов, как и большей части интеллигенции, «разбился» о суровый быт «лихих девяностых». Радикальные либералы, столкнувшись с материальными трудностями, резким снижением престижа интеллектуальных профессий, необходимостью «вертеться» в поисках обеспе-

чения прежнего жизненного уровня, перешли к ностальгии по тем временам, когда им было обеспечено — пусть и достаточно скромное по западным стандартам, — но стабильное существование. При этом российские ученые получили главное для свободного исследования: возможность безбоязненно высказывать свое мнение, ликвидацию двоемыслия, отсутствие цензуры, возможность привлекать любые западные концепции без обязательной критики «буржуазного объективизма». О подобном положении вещей свидетельствуют многие работы начала XXI в., например, «История Востока в шести томах с древнейших времени до XXI в. Том 6» (см. [История Востока в 6 т... 2008]), в которой описываются истории Китая, Вьетнама, Северной Кореи, Лаоса, Камбоджи, Монголии, арабских стран, Ирана, Афганистана и т. д. во второй половине XX века. Казалось бы, твори в свободном полете! Но нет: сначала ненависть к гайдаровскому правительству, «обнулившему» сбережения, а затем и дефолт 1998 года сделали многих ученых-востоковедов приверженцами твердой руки. На мой взгляд, это не вина интеллигенции, а беда: человек слаб.

Основным изменением в востоковедении, как и во всех гуманитарных науках, я считаю предоставленную каждому исследователю возможность совершенно свободно излагать свои взгляды, сообразуясь с теми теориями, которые кажутся ему адекватными, и опираясь на такую полноту фактов, которая дает возможность нарисовать неискаженную и более или менее объ-

ективную картину событий. Сегодня каждый российский востоковед может в полной мере проявить свои способности и профессиональную честность, отстаивая ту позицию, которую считает правильной. В советское время это было невозможно. Отмечу еще один печальный факт. Не только солидные ученые, но и очень талантливая молодежь склоняется к конформизму. Недавно один студент первого курса, очень одаренный и работоспособный, выбирал тему будущей научной работы. Я предложил ему богатый набор объектов исследования, в том числе и такой: «Американская помощь Южному Вьетнаму в 1964–1973 годах: военно-политический аспект». Тема ему понравилась, но, подумав несколько дней, он от нее отказался, откровенно сказав: «Алексей Леонидович, ведь если я напишу правду, то во Вьетнам я уже не поеду, а мне очень хочется». По-видимому, конформизм и приспособленчество еще долго будут фактором развития российского востоковедения.

— *Что бы вы могли назвать вашим самым важным достижением и почему?*

А. Р. На сегодняшний день самым важным своим достижением я считаю, во-первых, написание монографии «Рождение империи Нгуенов (социально-политическая история Вьетнама в начале XIX века)» см. [Рябинин, 1988]), во-вторых, сбор в процессе почти четвертьвекового чтения лекций по истории Востока огромного массива эмпирических данных. Хотелось бы думать, что именно эти данные пригодятся мне для самого важного дела в моей жизни, на завершение которого я очень рассчитываю: написания Истории Востока с древнейших времен до XXI века.

— *Какая книга обязательно должна стоять на полке каждого востоковеда и почему?*

А. Р. Знаете, я полагаю, что на полке каждого востоковеда должно быть много самых разнообразных книг по истории, культуре, литературе, археологии, этнографии, экономике, политике и т. д. стран Востока, но обязательной я считаю классическую работу Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» (см. [Токвиль, 2000]).

Только проштудировав эту книгу, востоковед может осознать, какой сложный и долгий путь должны пройти восточные общества, как должно усложниться их социальное устройство, какой уровень осознания собственных интересов должно обрести восточное сообщество на каждой ступени территориального, федерального и общегосударственного устройства (не говоря уже о том, как должна измениться государственная политическая система), чтобы население восточных стран превратилось в полноценных граждан современного мира, способных самостоятельно и осознанно, без диктата авторитаризма, решать собственную судьбу.

— *С какими трудностями, по вашему мнению, сейчас сталкивается современная наука?*

А. Р. О всей современной науке я высказываться по понятным причинам не буду: нельзя быть специалистом во всем. Что же касается востоковедения, то в этой сфере происходит колоссальное накопление различных баз данных и резкая дифференциация предметных полей. С течением времени специализация и дифференциация знаний увеличивается по экспоненте. Поэтому узкий специалист в определенной области знаний по Востоку испытывает большие трудности с обобщениями. Конкретно в изучении истории стран Востока глубокое исследование частных проблем не должно замыкаться на «страновом» и даже региональном уровне. Необходимы более масштабные обобщения. Но это очень трудно. Если рассматривать историческое развитие с точки зрения цивилизационной теории, то здесь сравнения вообще невозможны: как можно сравнивать духовные достижения в религиозной сфере? С точки зрения макросоциологических или макроэкономических теорий, сравнения, конечно, возможны, но они также плохо применимы к «ранжированию» стран Востока и Запада, так как очень много качеств тех и других ускользают из поля исследования. В общем, основной проблемой в анализе исторического развития стран Востока является проблема обобщений на базе общих со странами Запада критериев. По моему мнению, разделяемому

далеко не всеми исследователями, ни у Востока, ни у России нет какого-то особого специфического пути развития. Все страны мира проходят приблизительно одни и те же этапы развития общества и государства, но только они «осложнены» теми или иными факторами. Факторный анализ — ключевой метод исторического исследования Востока. И таким ключевым фактором исторического развития Азии является наличие на этом континенте мощнейшей «варварской» или кочевнической периферии, которая после X в. полностью отсутствовала в Западной Европе. После битвы на реке Лех в 955 г., когда Оттон I разгромил венгров, никакие кочевнические орды более не беспокоили этот регион. Именно по причине отсутствия в Западной Европе «кочевой периферии» там на рубеже X–XI вв. произошла «феодалная революция», затем появились автономные университеты и свободные от власти духовных и светских феодалов города (отсутствовавшие на Востоке, за исключением XIV–XVI вв. в Японии), образовались торговые гильдии и ремесленные цеха с собственным самоуправлением, не подвластным ни феодалам, ни государству, возобновилась рецепция римского права, наконец, образовались парламенты,

представляющие не только светских и духовных феодалов, но и горожан. Общество заявило претензии на участие в сборе и распределении налогов. Лозунг «Нет налогам без представительства» могли бы сформулировать не колонисты в Северной Америке середины XVIII в., а европейские горожане XIII–XV вв. Осмыслить все это в плане поиска у восточных стран подобных (или хотя бы приближающихся к подобным) феноменов отступления от магистральной линии развития (община-государственный аппарат-правитель-деспот с обязательным огосударствлением всех городских, торговых и ремесленных организаций) и представляется мне наиболее трудным, но чрезвычайно важным аспектом современных исторических исследований в востоковедении.

— *А каким вы видите востоковедение будущего?*

А. Р. Мне представляется, что в будущем востоковедения, в таком виде, в каком оно существует сейчас, не будет вообще. Ведь кто такой востоковед? Это человек, который помимо своего основного предмета, например, истории Вьетнама, сведущ и в этнологии чинов и качинов, в археологии Донгшонской культуры,

А. Л. Рябинин с супругой отмечают юбилей в тематическом китайском ресторане

в архитектуре стиля Дайла, а если потребуются, то он вам и сиамский танец «сбацает». Подобного у специалистов по западным странам в подавляющем большинстве нет. Специалист по археологии Германии не обязан знать этнографию средневековой Франции, а знаток эпохи викингов не должен быть сведущ в драматургии Мольера. Очевидно, в будущем нечто подобное ожидает и востоковедение. При этом все-таки необходимо иметь и специалистов по разному уровню обобщений. Причем принадлежность к специалистам по тому или иному уровню обобщения не должна носить уничижающий или дискриминационный характер. Например, от археолога-практика не надо требовать анализа палеолита или неолита в Китае или в Японии. А текстолога Корана не следует просить написать полноценную историю арабских стран. Должны быть специалисты и по каждой восточной стране, и по региону, и по всей Азии. При этом это будут разные люди. Своими знаниями и трудами они могут обогащать друг друга, но не вмешиваться в сферу личных компетенций. Таким мне представляется работа будущих историков-востоковедов.

— *Продолжая разговор о вашей личной работе — к чему вы стремитесь в настоящий момент? Какие проблемы востоковедения видятся вам ныне наиболее актуальными — в мировом и в российском масштабе.*

А. Р. Я уже частично отвечал на этот вопрос, но дополню свой ответ тем, что хочу написать Историю Востока, в которой будет учитываться не только та история современных стран, которая сводится к описанию политий долинных и равнинных районов, как это большей частью происходит сегодня. Согласитесь, что исследование обитателей гор, степей и пустынь остаются на долю этнографов, и изучение этих регионов (за исключением тех случаев, когда их обитатели решительно повлияли на жизнь, социальную структуру и политическое устройство «долинников» и «равнинников», например, сунну / гунны, сяньбийцы, авары, тюрки, чжурчжени, монголы, маньчжуры), ускользает

от внимания обычных историков. И тогда непонятно, почему «покоритель Индии» Надиршах, в 1739 г. захвативший Дели, вдруг через несколько лет потерпел поражение от «вольных обществ» горцев южного Дагестана, почему победитель Наполеона Александр I «завяз» на Северном Кавказе и русские войска около полувека его покоряли, почему горный Афганистан не могли подчинить при намного превосходящей военной и гражданской технике ни английские, ни советские, ни (вот теперь) американские войска.

Еще одной очень важной проблемой, которая меня сейчас занимает, является взаимоотношение «цивилизованности» и «варварства». При всей относительности этих двух понятий («варвары» также представляют собой определенные типы «цивилизаций» и подводить те или иные народы под эти два определения можно, лишь учитывая перепады в уровнях социального, экономического и политического развития) мне представляется очень существенным проследить эти столкновения, начиная с вторжения гутеев (кутиев) в Месопотамию в XXII в. до н. э. и вплоть до сегодняшнего нашествия на Европу «новых варваров», грозящих размыть идентичность основного ядра современно западной цивилизации. И самое главное. Поскольку за свою довольно долгую жизнь мне пришлось заниматься не только проблемами Востока средневекового и нового периодов, но и историей Запада, России, причем, самого новейшего времени, то мне хотелось бы продолжить линию анализа макроистории, которую в России вел чрезвычайно уважаемый мной, недавно умерший **Леонид Сергеевич Васильев** и которую продолжает здравствующий **Леонид Борисович Алаев** (дай бог ему здоровья в это непростое коронавирусное время) и внести свою лепту в титаническую битву «двух Леонидов», по своему осмысляющих историю Востока и историю Запада (См. о Л. Б. Алаеве [Институт востоковедения РАН... 2018, с. 70–71, 183]).

— *Давайте закончим интервью какой-нибудь историей из вашей профессиональной жизни.*

Доктор исторических наук, профессор Леонид Сергеевич Васильев (1930–2016)
Востоковед-синолог, обществовед, религиовед и социолог

Есть ли у вас какое-нибудь особенное воспоминание, которым вы хотели бы поделиться?

А. Р. Да, хотел бы поделиться одним, казалось бы, случайным событием, происшедшим в моей жизни, которое, однако, резко перевернуло мою научную деятельность, а потом, как оказалось, и всю жизнь. Как-то одним весенним днем 1996 года я шел по коридору Института стран Азии и Африки. Навстречу мне задумчиво двигался директор Института М. С. Мейер, который, поравнявшись со мной, с обычной для него дружелюбной фамильярностью бросил: «Привет!». Я остановился и с почти раболепной вежливостью поздоровался. Михаил Серафимович пристально и оценивающе посмотрел на меня.

— Слушай... — протянул он. Я чувствовал, как в его голове зрел какой-то план. Было вид-

но, что идея его — спонтанная и он взвешивает: «Стоит — не стоит».

К моменту моей неожиданной встречи с М. С. Мейером в коридоре ИСАА я уже шесть лет был доктором исторических наук и профессором ИСАА, но читал лишь курс по истории Вьетнама, да и то — очень ограниченного периода: нового времени до XX века. Более того, вплоть до начала Перестройки я сознательно ограничивал себя средневековой и ранней историей нового времени Вьетнама, не высказывая никаких мыслей по поводу общих закономерностей развития Востока и Запада. Врать не хотелось, а той филигранной техникой, при которой правда камуфлировалась марксистской риторикой и допускалась в советскую печать (такой риторикой в полной мере владел, например, тот же

Л. С. Васильев и Д. В. Дубровская во время стажировки в Китае Чанчунь, 1989 г.

**Доктор исторических наук,
профессор Леонид Борисович Алаев
(род. в 1932 г.)**

Востоковед, специалист по истории
Индии и теоретическим проблемам
истории Востока

Леонид Сергеевич Васильев, обыгрывая знаменитые высказывания Карла Маркса об азиатском способе производства), я не владел. Однажды я принял участие в одной из дискуссий по поводу формационного развития стран Востока, выступил неудачно, и мой дорогой учитель, **Дега Витальевич Деопик**, сказал мне: «Алеша, не лезьте вы в эти дразги, занимайтесь делом». И я занимался делом. Почти двадцать лет я переводил и изучал вьетнамскую хронику «Правдивые записки о Дайнаме», описывающей события конца XVIII–XIX веков. В 1988 году я опубликовал монографию «Рождение империи Нгуенов (социально-политическая история Вьетнама в начале XIX века)»,

которую защитил в качестве кандидатской диссертации в 1989 году и за которую в 1990 году мне присвоили степень доктора исторических наук. Однако с началом Перестройки, когда советским людям наконец-то была дарована «свобода свыше» и появилась возможность открыто говорить правду без всякой маскировки, я впервые почувствовал себя (не побоюсь высокопарных выражений) гражданином своей страны, который любит свою Родину, уважает своего политического лидера (Бориса Николаевича Ельцина) и поддерживает политику своего правительства (полностью — Егора Тимуровича Гайдара, частично — Виктора Степановича Черномырдина).

**Доктор исторических наук, профессор Дега Витальевич Деопик
(род. в 1932 г.)**

Востоковед, специалист по истории Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и всеобщей истории Востока

Я осознал, что не могу больше прикрываться традиционной вьетнамской историей как щитом от «мерзостей» отечественной действительности и должен (вновь прошу извинить за высокопарный тон) внести свою лепту в построение новой российской либеральной демократии, какой мне виделось в 1996 году будущее моей страны. В итоге я стал большую часть времени тратить на анализ как современных событий, так и фактов недавней истории. Причем это относилось и к постсоветской истории России и СНГ, и к истории Запада, и, конечно же (это — прежде всего), к истории стран Востока. Вот в этом-то состоянии духа и интеллектуальном настрое на служение новой демократической Родине и переосмысление советских догм исторического развития (и в третий раз прошу простить мне витание в эмпиреях), я и встретил в коридоре ИСАА **Михаила Серафимовича Мейера**, который продолжал смотреть на меня изучающим взглядом.

— Видишь ли, Алексей, — начал он после некоторой паузы, — хочу предложить тебе поучаствовать в чтении лекций по истории XX века стран Востока для общего потока историков. Ну, например, прочитать лекцию по истории Юго-Восточной Азии или, если сможешь, по истории Китая, может быть, даже Японии. В общем, насколько потянешь.

Внутри у меня все похолодело. Я осознал, что в каком-то смысле решается моя судьба, на долгие годы программируется моя дальнейшая жизнь. Представил, что вот я читаю лекцию по Второй Индокитайской войне 1960–1973 гг. с совершенно новых позиций, представляя ее не как «американо-вьетнамскую» войну, а как войну двух Вьетнамов

(Северного и Южного), двух Камбодж и двух Лаосов, в которой США лишь поддерживают одну сторону, в то время как СССР и Китай оказывают помощь другой. Затем живо вообразил, что после меня приходит старый «советский» профессор и продолжает «старую песню» про американский империализм и неоколониализм. В головах у студентов возникнет когнитивный диссонанс.

— Хорошо, — растягивая слова, но твердо сказал я, — Но у меня будет одно условие.

— Какое? — заинтересованно спросил Мейер.
— Я буду читать весь курс: ЮВА, весь Дальний Восток, Южную Азию, весь Средний и Ближний Восток.

— И Африку тоже? — ехидно спросил Мейер.
— И Африку тоже, — уверенно, но с внутренним ужасом заявил я.

Михаил Серафимович удивленно посмотрел на меня, и стало ясно, что он собирается мне отказать. Вдруг что-то в нем переменялось и он неожиданно для меня стал рассуждать вслух:

— Вообще-то, может быть, действительно попробуем. Тем более что наша старая профессура все время жалуется, что ей трудно читать курс по истории XX века с новых позиций. Кстати, основные «зубры» как-то все быстро умерли. Из тех, что остались, многие писали о «некапиталистическом пути развития стран Востока», о «социалистическом выборе» и так далее. После этого кардинально перестраиваться довольно сложно. Так что — давай проведем эксперимент. В общем с 1 сентября начинаешь читать у третьего курса. Пойдем со мной, программу я тебе дам. На подготовку у тебя остаток весны и все лето.

Президент Института стран Азии и Африки (ИСАА МГУ), доктор исторических наук, профессор Михаил Серафимович Мейер (род. в 1936 г.)
Советский и российский историк-тюрколог, специалист по османской истории

Так я стал читать общий курс лекций по истории стран Азии и Африки в XX веке. Несмотря на то что я очень много готовился, проводя бессонные ночи за чтением десятков монографий и сотен статей, читал я поначалу очень плохо: я не умел обобщать. Это действительно очень трудно делать на малознакомом материале. А ведь весь материал, за исключением истории Вьетнама, действительно был мне знаком мало. Поэтому поначалу я пытался излагать события на том уровне, на котором писал монографию «Рождение империи Нгуенов», то есть очень подробно. Студенты путались в огромном количестве фактов, не могли запомнить множества дат, теряли нить повествования и не находили нужных выводов, которые я им не давал, так как и сам был в них не уверен.

Параллельно я преподавал тот же самый курс в Институте практического востоковедения. Там дела шли несколько лучше, но ненамного. В ИПВ аудитория была меньше и можно было несколько расслабиться. В ИСАА же Мейер счел эксперимент не удавшимся и вновь поручил читать курс по истории XX века так называемому «колхозу», то есть коллективу преподавателей, специализирующихся на истории одной или нескольких стран Востока. Мне же, после проявленной наглой настойчивости и в утешение за заслуженный афронт, Михаил Серафимович дал мне повести тот же курс на истфаке, который я с удивлением для самого себя прочитал очень удачно. Кстати — и это отмечается не только мною — самый успешный курс лекций — обычно второй после начала преподавания.

Постепенно я выработал свой собственный курс, обкатал его, преподавая не только на истфаке МГУ и в ИПВ, но и в РГГУ и на факультете мировой политики том же МГУ. Затем в ИПВ и РГГУ я прочитал курсы по средневековой и новой истории Востока. В

ИПВ я прочитал курс по истории Древнего Востока и даже курс лекций по истории античности — по Древней Греции и Древнему Риму. В результате я стал в полном смысле слова востоковедом широкого профиля и всему этому я обязан той весенней встрече в 1996 году с Михаилом Серафимовичем Мейером в коридоре ИСАА.

— *Алексей Леонидович, спасибо за интересный разговор, поучительные истории и за уделенное «ВК» время!*

**Интервью взяла Е. Петерикова¹,
ответственный секретарь «ВК»**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексис де Токвиль. *Демократия в Америке*. М.: Весь Мир, 2000. — 560 с. [Alexis de Tocqueville. *Democracy in America*. Moscow: Ves' Mir, 2000. — 560 p.]

Институт востоковедения РАН — прошлое и настоящее. К 200-летию основания. В. В. Наумкин (отв. ред.), Д. В. Дубровская (авт.-сост.). — 336 с. М.: ИВ РАН, «Наука», 2018 [Portrait of the Institute of Oriental Studies against the Background of Russian History. V. V. Naumkin (Ed.), D. V. Dubrovskaya (Comp.). Moscow: IOS RAS, Nauka, 2018. — 336 p.]

История Востока. В 6 т. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.). Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин. М.: Восточная литература, 2008. — 1095 с. [History of the East. In 6 vol. Vol. 6: The East in the Newest Period of History (1945–2000). V. Ya. Belokrenitsky, V. V. Naumkin (Eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. — 1095 p.]

Рябинин А. Л. *Рождение империи Нгуенов: Социально-политическая история Вьетнама в начале XIX в.* М.: Наука, 1988. — 455 с. [Ryabinin A. L. *The Birth of the Nguyen Empire: The Socio-Political History of Vietnam at the Beginning of the 19th Century*. Moscow: Nauka, 1988. — 455 p.]

1 Елизавета Игоревна Петерикова, магистр востоковедения (Восточный факультет Государственного академического университета гуманитарных наук, ГАУГН), Москва, Россия; peterikova@gmail.com. ORCID ID: 0000-0001-8882-2524
Elizaveta I. Peterikova, Master of Oriental Studies, Oriental Studies Department, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; peterikova@gmail.com. ORCID ID: 0000-0001-8882-2524